

“ВСЕ ЗНАЮТ МИШУ КОЗАКОВА”

Моск. киножурнал. — 1998. — 3 февр. — с. 3.

“Все знают Мишу Козакова”, — написал как-то в своей эпиграмме Валентин Гафт. Знать-то знают, да толку от этого теперь, похоже, маловато. После возвращения из длительной “творческой командировки” за рубеж Михал Михалыч Козаков в своих попытках развить в Москве бурную театральную деятельность то и дело наталкивается на неудачи. Организовал собственную антрепризу, а серьезные спонсоры туда чего-то не торопятся. Первые спектакли, которые Козаков поставил со “сборной солянойкой” московских звезд, бурного резонанса не вызвали: оценки были вялые и нелицеприятные. Михал Михалыч нервничал, ругал и обзывал журналистов. Наконец случилось то, что и должно было случиться: Козакова, любителя порассуждать о высоких материях и с архисерьезным лицом продекламировать Пушкина и Бродского, позвали вместе с его антрепризой под крышу Театра эстрады, “обновляемого” новым худруком Геннадием Хазановым. Радоваться надо, что нашел свое место в жизни, а Михал Михалыч продолжает нервничать. С чего бы?

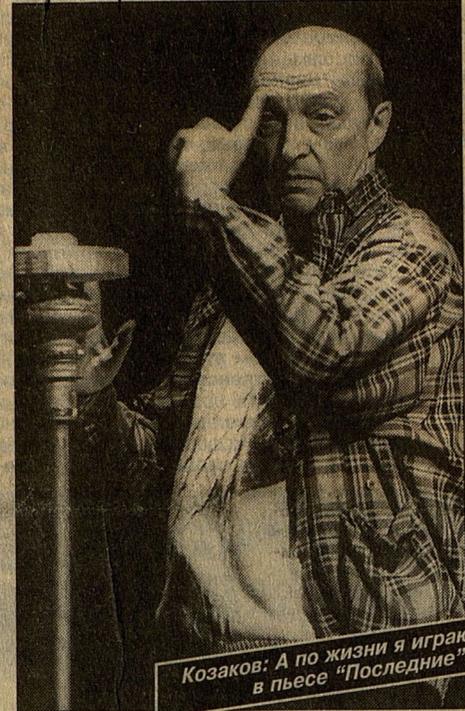
А с того, что по-прежнему как-то не очень замечает его Москва. Сейчас вот козакская антреприза выпускает в том самом Театре эстрады два новых спектакля: “Сублимацию любви” Бенедетти и “Цветок

смеющийся”. Опять комедии, опять, конечно, обхохочешься. Но конкуренция пугает Михал Михалыча. Ведь публика, дура, избаловалась нынче. И дела ей нет до того, что в поте лица для нее куражится на сцене вместе с другими артистами не абы кто, а “один из последних представителей вымирающего класса русской интеллигенции”. Именно так на полном серьезе, не будучи в силах преодолеть острый приступ пафоса, сказал о Козакове г-н Хазанов, комментируя предстоящие премьеры. “Театр эстрады пошел навстречу полутруппе”, — наигранно ухмыльнулся в ответ “осколок” вымирающего класса.

Не знаю, от чего там вымирает интеллигенция, но явно не от скромности, если судить по поведению одного из ее “последних представителей”. В связи с грядущим выходом новых спектаклей Козаков срочно созвал на задушевную беседу прессу. Такого накануне премьеры не делают даже самые известные театры страны — “Ленком”, “Современник” или “Табакерка”.

— “Сублимацию любви” уже играет Театр Табакова. Неужели нельзя было обойтись без повторов? — поинтересовался “МК” у Козакова.

— А я еще раньше задумал ставить эту пьесу. Но Тамара Скуй почему-то отдала перевод Табакову. И потом, выдерживает же Москва несколько “Вишневых садов” или “Трех сестер”. Выдержит и это.

Козаков: А по жизни я играю в пьесе “Последние”.

Затем Михал Михалыч высказал сожаление, что о его творческих планах не трубят на всех углах первопрестольной. Вот приезжаешь, мол, куда-нибудь в Барселону, там еще за два месяца до гастролей Паваротти весь город афишами обклеен. Стационарные театры Москвы — тоже не сахар, прохладно относятся к планам Козакова: ни Андрей Гончаров в “Маяковке”, ни Сергей Женовач на Бронной не кинулись почему-то уступать ему очередь на постановку. Да и город вообще какой-то неудобный. До сих пор не провели метро к Театру эстрады. По зиме-то народ может и не дойти до козакских премьер. Аргумент убойный, а главное — отличная страховка от очередного блина комом в постсоветской биографии артиста и режиссера. Впрочем, есть у него и другая страховка, которая к тому же и денежки приносит. Это провинция. Пока московская публика реагирует на новые постановки Козакова с прохладцей, провинциальный зритель готов выкладывать свои кровные за счастье увидеть трех-четыре известных исполнителей в каком угодно, пусть и сомнительном зрелище. Поэтому все дивиденды козакская антреприза срывает в глубинке.

— Михал Михалыч, а не жаль вам времени “Покровских ворот”, когда удавалось делать то, что нравилось всей стране, вне зависимости от географической широты?

— Нет, не надо оборачиваться назад. К чему возвращаться в прошлое?

Ну да... Тем более что вряд ли и получились бы.

Арсений СУХОВЕРХОВ.
Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

03.02.98

Михал

Козаков